

Трешверд - 8 марта 1942.

Источники - Ватсонская комиссия, 1942, 15/15

ВОЛЖСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

г. Нуйбышев

№ 1 АПР 1972

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

С КАКОЮ бы степенью обстоятельности — обзорно, белло или основательно, детализированно — ни говорили мы о повести Бориса Васильева. «А зори здесь тихие...» («Юность», 1969 год, № 8), начинать разговор нам пришлось бы с комманданта развезда 171, ехмурого старшины Федота Васкова. Через него, через этого «пенка змешелого», у которого «в запасе двадцать слон, да и те из устava», дописит автор до читателя наблюдшую мысль свою — мысль о противоестественности фашизма. Фашизма, а

тывается в повести и как следует из нуйбышевской постановки. Молнией ударила его мысль: «Если грудь их да осколком, рваным! А ведь девки, кто они? Они матери будущие. Матери!». Восстают его сердце и разум против того, что «мам с войной поженили». Вот почему дисциplinированный, испытывающий высшее удовольствие от того, что является «передаточной шестерней огромного, заботливо отлаженного механизма: вертелся и вертел других, не заботясь о том, откуда началось это вращение, куда

пыт, разведчик, не более того. Видимо, этот, на поверхности лежащий рисунок роли, избрали оба исполнителя, и не выплеснул у них тот Васков, какого обещал литературный материал.

Но интересная вещь — спектакль, несмотря ни на что, живет! Он не оставляет зрителя равнодушным. Парадокс? Нет. Заслуга опять-таки сценаристов, постановщика спектакля В. Тищенко и исполнительниц пяти основных женских ролей: В. Яськоной (Гали Четвертак); Л. Альбицкой и Т. Фе-

В основе этого театрального «чуда» все тот же непреложный закон — через личное острее познается общее, а юные героини «Зорь» за короткое время двухактного спектакля успевают стать до боли знакомыми, родными.

Поначалу трудно выделить кого-то из общей массы павших зенитчиц. Вместе быют они фашистские самолеты, вместе коротают досуг, по очереди рассказывая друг другу свои небольшие п в чем-то очень похожие истории. Война никого стороной не обшла, у каждой есть свой счет к оккупантам. Но удивительная вещь — от испуганных не поблекли их характеры, не утратили юмешеской звонкости, дерзости, угловатости. В них мы, зрители, узнаем себя, свою молодость.

Особенно острое чувство, узнавания охватывает нас и финальных снегах. Каждая из пяти перед смертью замало прокручивает в памяти ленту воспоминаний. На сцене девушки разговаривают со своими родителями, танцуют на выпускном вечере, встречаются с первой любовью... Все это выпадает на долю каждого.

И еще звучат в финале песни (это одна из ослепных удач постановки), русские народные песни. Прозрачные, чистые — они звучат без музыкального сопровождения, им не нужна поддержка, они и без того сильны. И тут раздается выступ...

ДВОЙСТВЕННОЕ впечатление остается от нового спектакля драматического театра имени Горького. Театр отказался от философского разговора со зрителем, какой предполагала инсценировка. Он перелетел в иное качество, пошел по иному пути — по пути эмоционального потрясения зрителя, воспитания его «театральным волеизъявлением».

Прав ли он? Зритель — самых различных возрастов — тепло принимает спектакль.

В. НАГАНОВ.

РАЗБУДИТЕ ГНЕВ СВОЙ

не войны, ибо война войн рознь. Он, Васков, тоже в совершенстве владеет искусством «снять» человека с одного удара, но искусством этим он овладел уже потом, когда понял, что «человека... одно от животных отделяет: понимание, что человек он. А коли нет понимания этого — зверь. О двух ногах, о двух руках, и — зверь. Любый зверь, страшнее страшного. И тогда ничего по отношению к нему не существует: ни человечности, ни жалости, ни пощады. Бить надо. Бить, пока в логово не уползет. И там бить, пока не вспомнит, что человеком был, пока не поймет этого».

Еще более гневно, еще более остро звучит эта мысль в переложении повести Б. Васильева для театра, сделанном Ю. Любимовым и Б. Глаголиным. Их Васков, человек, как говорит, от сохи, еще не бросающ со своим «бабым войском» под синичный дождь фашистских автоматов, еще не видя смерти девушек, а только принимая их под свою команду, уже холодным потом покрылся. Не потому, что «про женский пол в уставе — ни слова», как проци-

направлено в чем заканчивается, вот почему такой Васков, пленный фашистов, ты руки обгренны кровью девушек-зенитчиц, вопреки уставу принимает решение: «Лично каждого убью, лично, если начальство помилует (помилует фашистов — В. И.). А там пусть судят меня! Пусть судят!». Этой произвольной нотой заканчивается инсценировка.

Естественно, что вопрос, состоится или не состоится спектакль, находится в большой зависимости от другого вопроса: состоится или не состоится Васков? (Утверждают, что Юрий Любимов, один из авторов инсценировки, главный режиссер московского театра на Таганке, откуда пьеса «А зори здесь тихие» начала свое шествие по стране, не являлся бы за постановку ее, не найдя он в составе своей труппы достойного исполнителя роли Васкова). В нашем театре ее играют два совершенно разных по своим сценическим темпераментам актеры: В. Колцов (недавно успешно дебютировавший в главной роли спектакля «Человек со стороны») и С. Надеждин. Первый резок, мощный, поджиген. Второй более чутко, нервен. Но и у того и у другого Васков начинается только где-то во втором акте — с выстрелов, рукопашных. И предстает перед нами опытный следо-

доровой (Соня Гурвич); Г. Дударевой и Н. Штасовой (Лиза Бричкина); Н. Дмитриевой (Женя Комелькова) и В. Долгной (Рита Осаяина).

ЗДЕСЬ хочется вспомнить эпизод из фильма «Офицеры». Женщина, главный врач санитарного поезда подписывает свидетельства о смерти бойцов от ран. Привычная работа. Перо, не останавливаясь, быстро скользит по бумаге. И вдруг — стоп. На одной истории болезни белым голубом выпадает фотонарточка. На ней двое — девушка и молодой офицер. Главы врач вскрикивает — это ее сын...

Горе — всегда горе. Но война пойдот своим безжалостным чередом. И работы у главыврача не убавится. Только потеряет ее перо свою прежнее механическую легкость. Потеря родного, близкого человека сделает ближе, понятнее несчастья других. Теперь слова «горе народное», «беды народные» будут вмещать и говорить и о твоём личном горе, а не о каком-то общем, отвлечённом, чуждом.

Бурную волну близких этому прозрению чувств исторгает из зала спектакль: далекий, окрашенный романтикой отгремевших боев, сорок второй становится вдруг близким, осязаемым,